

ОБЩЕСТВО

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

От «лайка» до экстремизма

Правозащитник Павел Чиков рассказал, как не сесть за репост и стоит ли бояться возрождения карательной психиатрии

Анастасия Кожевникова

На прошлой неделе Пермь посетил Павел Чиков — руководитель международной правозащитной группы «Агора», член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Чиков стал широко известен как защитник Алексея Навального и Pussy Riot. В Перми он прочёл лекцию «Как жить в России и не стать экстремистом».

Пермь экстремистская

В общем-то, не случайно именно Пермь. «Поздравляю вас с первым приговором по статье «Реабилитация нацизма», — сказал Павел Чиков на фоне слайда с названием «Пермь экстремистская». Он рассказал, что, по статистике, таких приговоров ещё не было, хотя и статья относительно свежая — введена в 2014 году. Пермяк Владимир Лузгин просто когда-то «репостнул» в соцсети запись со словами «коммунисты и Германия совместно напали на Польшу, развязав Вторую мировую войну», и теперь автослесарь Лузгин должен выплатить штраф 200 тыс. руб. То есть по 10 тыс. за просмотр каждого пользователя, включая сотрудников правоохранительных органов.

В развитии темы «Перми экстремистской» Чиков напомнил ещё о нескольких пермяках, когда-то подозревавшихся в экстремизме, — об Игоре Аверкиеве, Илье Сретенском, Романе Юшкове. Кроме последнего, наказания никто не понёс.

Зато в Березниках наказание отбывала Мария Алёхина, известная по делу Pussy Riot.

Количество таких дел сейчас неуклонительно растёт. На графике жёлтая линия — число осуждённых за экстремизм — плавно вытягивается вверх. В 2012 году — 130 человек, в 2013-м — 185, в 2014-м — 267 и в 2015-м — уже 378 человек.

Основное количество осуждено по ст. 282 УК РФ — «Возбуждение ненависти либо вражды». «Статья была в кодексе изначально с 1997 года, — поясняет юрист. — Однако раньше речь шла только о возбуждении национальной и расовой вражды, там не было такого волшебного слова, как «социальная группа», куда можно прописать кого угодно».

Немногим меньше осуждённых по ст. 280 — «Публичные призыва к осуществлению экстремистской деятельности» — и её первому пункту, который, по мнению лектора, был создан специально «под Крым», — «Призыва к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности».

Ещё одна статья появилась примерно в то же время — «Об оскорблении чувств верующих». Это «переделанная» статья 148 о «нарушениях свободы вероисповедания». По словам Чикова, дело обстояло примерно так. «Мы понимаем, что дело Pussy Riot пришло «натягивать» на хулиганство, — сказали сочувствующие сле-

дователям. — Давайте мы вам статью специальную придумаем».

Бессмысленно и беспощадно

«Я должен был начать с определения понятия экстремизма, но не сделал этого, потому что вменяемого определения, которое можно было бы процитировать или объяснить, нет», — говорит Чиков.

Всё смешалось в Уголовном кодексе. Здесь экстремизм — это вовсе не то же самое, что терроризм и хулиганство. Как именно в суде определяют, к чему относится дело, непонятно даже ему, человеку, который работает адвокатом с 1990-х годов. Например, на художника Петра Павленского, который прибил гениталии к брускатке на Красной площади, зашивал себе рот и поджигал двери здания ФСБ на Лубянке, заводили три уголовных дела, и ни одно из них не было квалифицировано как экстремистское — вменяли только вандализм, хулиганство и повреждение памятников культуры. Поэтому и нельзя сказать точно, сколько в стране осуждено экстремистов.

Ещё одно новшество — «хулиганство по мотивам экстремизма». Раньше хулиганство могло быть совершено только по хулиганскому мотиву — противопоставлению себя общественным нормам, бунтарству, теперь эта сфера расширилась для воображения следователей.

А статья «Реабилитация нацизма» и вовсе покушается на историю — вообще нельзя никак интерпретировать исторические события, которые уже «отлиты в бронзе» государственной идеологии.

Бумажные войны

Когда всё так неясно, лучшее, что может сделать судья или следователь, — «спихнуть» своё решение на кого-нибудь другого. Чаще всего на тех, кто проводит экспертизу. Поэтому сейчас многие обвинения строятся на заключении экспертов.

На каждую такую экспертизу нужно предоставить свою. «Сегодняшние процессы — это война экспертиз», — говорит Чиков. Причём иногда получается и выиграть, если выбрать эксперта посолиднее. Но иногда следователи считают, что знают всё лучше всяких историков и лингвистов, и тут уж мало что поможет.

Почему ещё важно, осудят человека по экстремистским статьям или «при-

шьют» хулиганство? Все, кто был осуждён за экстремизм, попадают в Федеральный перечень экстремистов и террористов с того момента, как становятся подозреваемыми. Пребывание в этом перечне продолжается и в течение года после отбывания наказания. Таких людей никогда не возьмут на работу педагогом, все их банковские счета будут заблокированы. Жить по закону им предлагается на 10 тыс. руб. в месяц.

У людей, осуждённых за хулиганство, например, таких проблем не возникает, хотя мотивы в обоих случаях могут быть признаны экстремистскими.

Среди последних «трендов» следственных действий Павел Чиков назвал применение статьи по сепаратизму — той самой 280.1, введённой «под Крым». «Однако вдруг оказалось, что вся Российской Федерации в опасности», — говорит Чиков. — И «сепаратистов» стали находить не только в Крыму».

Были и призывы к созданию Единой Монголии, и Сибирско-Уральской Федерации. Последнюю придумал Алексей Морошкин, он же настоятель «Церкви Челябинского метеорита». Суд решил, что этот удивительный «священник» просто ненормальный, и назначил ему принудительное лечение. Теперь настоятель проповедует в психушке.

В дурку на месяц

Несмотря на этот прецедент, по словам Павла Чикова, пока говорить о возрождении карательной психиатрии не приходится. Хотя действительно сейчас стали чаще назначать психолого-психиатрические экспертизы. На самом деле это простая манипуляция человеческими страхами. «Чего мы все боимся?» — спрашивает правозащитник. Ответ, по его мнению, один — сидеть в тюрьме или в психушке.

«Когда следствие говорит, мол, «отправим тебя в дурку на месяц», нужно понимать, что там никто не будет делать из вас «овоща», просто наблюдают. Отоспаться можно», — говорит

Чиков. Но манипуляция страхами — первая причина, по которой возвращается принудительное лечение. Вторая — для судьи это опять же повод снять с себя ответственность, ведь это же решение врачей. И третья причина — дать всем остальным понять: разве пойдёт вменяемый человек против власти?

«Таких дел сейчас около десятка, и нас это немножечко пугает, — говорит юрист. — Это может стать опасным федеральным трендом».

Ещё один несчастный «сепаратист», пытавшийся отделить Республику Коми, сделал роковую ошибку, признав свою вину. Чиков советует этого не делать. Когда судебные дела рассматриваются в особом порядке, доказательства не оцениваются и весь спор лишь о том, каким будет наказание. Любопытная статистика. Как-то сотрудники Института проблем правоприменения проанализировали 10 тыс. приговоров, половина из которых проводилась по особому порядку. И пришли к выводу, что наказания ничем не отличаются, то есть признание вины не влечёт более мягкое наказание.

«Я не могу дать полной статистики по политическим делам, но вот пример: Максим Лузянин, получивший первый приговор по «болотному делу», признал вину и получил 4,5 года колонии общего режима. А те, кто отстаивал свою правоту, высказывался публично, получили по два-три года», — рассказывает Чиков.

Насчёт высказываний: по постам пользователей в Facebook ещё не было заведено ни одного уголовного дела, зато по «ВКонтакте» их огромное количество — администрация соцсети активно сотрудничает с правоохранительными органами. Но и «фейсбушикам» не стоит расслабляться. Любой «лайк» — тоже.

«Я не дам вам гарантии, что вас не подведут под ответственность. Я только обещаю вам юридическую поддержку в случае чего», — закончил свою лекцию Павел Чиков.

На всякий случай: искать его телефон можно в Пермской гражданской палате.